

УДК 398:34

*Плеханова Е.О.***ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ВОЗМЕЗДИЯ» В ПРАВОВЫХ НОРМАХ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ**

Ключевые слова: Предания, традиция, право, кража, наказание, зрелищность, справедливость, закон, правосудие.

Непременной частью национальной культуры, сформировавшейся под влиянием этнического самосознания, национального уклада жизни, традиционных верований, сложившихся форм поведения, является *обычное право*.¹ «Укоренившийся обычай заслуженно применяется как закон и зовется обычным правом», - писал Юлиан во 2 в. н.э. В положениях обычного права отразились базовые для традиционной культуры понятия «правда», «честь», «справедливость». Эти положения, возникнув как нормативный регулятор сложившихся в обществе отношений, были зафиксированы в преданиях и нарративных источниках. В основание любого решения конфликта были положены всем известные правила, или воззрения, сложившиеся в процессе жизнедеятельности общества.

В традиционном обществе закон священен. Первой нормой и источником обычного права было социокосмическое тождество. Неписанные законы предков ограждали «от распада не столько социум, сколько космос, в силу их соотношения как части и целого, а также в силу понимания мироздания как взаимосвязи составляющих его многообразия вещей, существ и явлений. Изменения, вызванные в одной части космоса неизбежно вызовут цепную реакцию изменений в его других частях, что есть нарушение исходного баланса, распад, хаос».² То есть идея справедливости и возмездия/возмещения в архаичном сознании космична. Наказание становится механизмом восстановления нарушенных взаимосвязей.

В удмуртских преданиях наказание как средство восстановления баланса, фигурирует в различных вариантах:

« - За что я так маюсь, отворяя и затворяя ворота? – спросил мужик.

- Ты мучаешься за то, что испортил чужие ворота и не исправил их».

***

---

¹Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия// Государство и право. 1996. № 4. С.41; Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки// Советское государство и право. 1983. № 3.С.36; Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.16. Семенов Ю.А. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян 19 –н.20 вв.// Этнографическое обозрение. 1996. №1

² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении М., 1994. С.620

«Женщины стояли на краю дороги, одна по левую, другая по правую сторону, лицом друг против друга и бросали друг другу каравай хлеба. Как бросит одна – другая не принимает, бросает обратно, а та опять не принимает – бросает обратно. Так продолжается бросание караваев друг другу непрерывно

... они мучатся за то, что взяли хлеб и не возвратили».

***

«Мужики огораживают поле, но огородить его не могут: как только начинают оканчивать, изгородь с другого конца сгорает. Как потушат огонь и начнут огораживать на сгоревшем месте, изгородь начинает загораться в другом конце. Так продолжается непрерывно, и, таким образом, работа их пропадает, и они только мучатся.

...они мучатся за то, что сожгли чужой огород».

***

«Женщина бесконечно переливает из кринки в кринку молоко за то, что взятое взаймы молоко возвратила разбавленным водой».

***

«Женщина, высунув голову в окно дома, кричит, сколь есть мочи.

...за то, что не давала ночлега странникам».³

И так далее.

Долговременное существование обычного права как основного механизма регуляции социальной жизни в удмуртской культуре обеспечивали присущие ей архаические черты. Главным объектом, рассматриваемым в категории обычного права, было такое деяние как воровство. В удмуртских поселениях вплоть до середины 19 в. «все приспособления к обережению своего добра были в первобытном состоянии: он [удмурт] не знал ни замков, ни запоров».⁴ Хищения были редкостью, за исключением ритуального воровства, но особого материального ущерба счастливому владельцу полных закромов оно не наносило. Однако, с реформой 1861 г., с увеличением числа русского населения, разложение общины пошло с убистряющей скоростью, и в пореформенный период хищения перестали быть редкостью. Предмет кражи составляли хлеб, деньги, скот. Особенно болезненной была кража скота и лошадей, имевшая «значение особо преступной кражи в глазах народа».⁵

³ Верещагин Г.Е. К этнографии вотяков Прикамского края. Ч.1// Известия Сарапульского земского музея. Сарапул, 1912. Вып.2 С.147-151

⁴ Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань 1880. С.41

⁵ Матвеев.П.А. Очерки народного юридического быта Самарской губернии// Сборник народных юридических обычаев. СПб., 1878. Т.1. С.41

ИСКУССТВО И ДИЗАЙН
2005. № 12

Воровство являло собой нарушение интересов и прав потерпевшего, и потому мера наказания вору могла определяться самим потерпевшим. Наказания назначались «*глядя по человеку*», отсюда и разнообразие принимаемых мер.⁶ Виновного в краже любой крестьянин мог наказать с помощью ближайших соседей, не задумываясь о последствиях, так как он выступал защитником интересов общества, особенно когда вора заставляли на месте преступления. В случаях «хищения в особо крупных размерах» (лошади, коровы, мешков с мукой или зерном и т.п.) виновного ждало суровое наказание. Примеры разнообразны: вору за кражу коровы выбили молотком зубы;⁷ за кражу посошников с сохи вора избili до потери сознания, после чего разрезали живот;⁸ конокрадов повесили за большие пальцы рук над костром до страшных ожогов;⁹ конокраду вбили гвозди в пятки;¹⁰ за кражу меда вора опустили головой в воду и держали, пока не умер¹¹; за кражу хлеба, воров избili и привязали к хвостам лошадей, гоня их по мерзлому полю, пока они не умерли¹²; у конокрада сдирали с рук и ног кожу, вытягивали жилы, и в завершение топорами на мелкие части разрубили голову¹³; крестьянин избил конокрада и щепкой выколупал ему глаза¹⁴; конокраду, привязали один конец веревки к шее, другой к ногам, натянув ее так, что лопнул позвоночник¹⁵; вор был найден убитым с разmozженной головой, в заднее проходное отверстие была вставлена палка, другой конец которой вышел через рот.¹⁶

Чрезмерность совершаемого насилия, по выражению М.Фуко, была одним «из элементов величия правосудия: тот факт, что преступник стонет и кричит под ударами, - не постыдный побочный эффект, он есть сам церемониал правосудия, выражающего себя во всей своей силе».¹⁷ Здесь можно говорить о существовании прямой связи между наказаниями и институтом жертвоприношений, поскольку и то, и другое имели целью компенсацию ущерба, что касалось всего общества.¹⁸

---

⁶ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1872. Т.4

⁷ Московские Ведомости. 1879. №57.

⁸ Русский Курьер. 1880. №203.

⁹ Московские Ведомости. 1881. №71. С.4.

¹⁰ Неделя. 1878. №26

¹² Русский Курьер. 1879. №101; Новости. 1883. №45; Московские Ведомости. 1883. №49. С.4

¹³ Русские Ведомости. 1885. №14

¹⁴ Русские Ведомости. 1884. №136

¹⁵ Русские Ведомости. 1884. №153

¹⁶ СПб Ведомости. 1873. № 134

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С.51-52

¹⁸ Банников К.Л. Отношения мифопоэтического и правового сознания в традиционной картине мира. // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999. С.243-246

Поэтому восстановление справедливости с точки зрения обычного права, обязательно включало в себя элемент *публичности*. Наказание должно быть ярким зрелищем, воспринимающимся всеми как торжество правосудия. Люди должны были сохранить в памяти сам процесс наказания виновного, его страдания. Нанесенные осужденному раны были «клеймом позора», меткой, являлись частью ритуала, выполняли функцию «очищения» преступника, что легитимировало любые свершаемые действия.

Вышеприведенные факты лишь небольшая часть огромного моря наказаний, которые превосходили по варварству само преступление, и превращали палачей в преступников, а судей - в убийц. Подобные экстремальные случаи – следствие глобальной униженности народа, желание что называется «дать волю чувствам».

Несмотря на полную законность, согласно обычному праву, наказаний такого рода самим потерпевшим, а также очевидцами преступления, для удмуртской культуры аналогичные случаи, нехарактерны. Характерная для удмуртского этноса более тесная связь членов крестьянского сообщества приводила к тому, что виновного или подозреваемого в основном судили на сельском сходе (кенеше).¹⁹ Кенеш регламентировал жизнь крестьян вплоть до высылки членов общины, и даже вынесения смертного приговора.²⁰ На протяжении всего 19 в. кенеш оставался для удмуртского крестьянина непререкаемым авторитетом. Обиженный не пытался в одиночку восстановить справедливость, не высказывал своих чувств обидчику, давая им волю только на сходе: «...он виноватому единоличного слова не скажет, как будто дело не касается его. Совсем другим он бывает на сходе – здесь он считает себя вправе говорить все, что захочет, действия миром он считает...основательным и законным».²¹ Сами меры наказания на кенеше определялись не только степенью вины нарушителя, но и репутацией человека, его социальным поведением: «это была своеобразная философия социальной мимикрии».²² В исключительных случаях кенеш мог вынести и смертный приговор, но к убийству прибегали «...только в защиту от дерзкого вора, преследовавшего их постоянно».²³

---

¹⁹Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861-1900гг). Ижевск, 1993, С.134

²⁰ Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань 1880. С.42; Смирнов И.Н. Вотяки. Казань. 1890. Т.8. Вып.2. С.169

²¹ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда// Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895г. Вятка, 1895. С.127

²² Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С.260

²³ Кошурников В. Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. Казань 1880. С.42

ИСКУССТВО И ДИЗАЙН
2005. № 12

Однако, когда состав сельского населения стал смешанным, когда на сельском сходе стали присутствовать не только удмурты, но и русские, положение правового поля изменилось. Удмурт «...молчит хладнокровно, как будто он не член общества, и в суждении не должен принимать участие»²⁴. «Молчание» не было уходом от решения проблемы, оно являлось нормой этнического поведения, соблюдение которой было общественной потребностью каждого. Подобная сдержанность не лишает человека права голоса домохозяина при вынесении сходом решения, и при количественном большинстве в селении удмуртов, решения схода, как правило, защищали их интересы. Но проявление национальной обособленности было для дискомфорта русского этноса, как нарушение общегосударственной однородности, и по мере возможности он стремился подобное положение нейтрализовать. Потому русским меньшинством, решения схода все чаще начинают не выполняться, нарушаться, а то и демонстративно игнорироваться.

Постепенно обычное право стал теснить официальный закон. В основе официального закона лежал другой мировоззренческий принцип – прецедент. Вхождение официальных законов в повседневное бытие было новацией, изменяющей традиционную культуру. Крестьянское общество, как русское, так и удмуртское, ощущая себя в своем праве, с официальным законом старалось не конфликтовать. В русской культуре зафиксированы факты, когда чтобы избежать ситуации официально выдвинутого обвинения, члены сообщества делались соучастниками действия: при убийстве, убивали не только обвиняемого в воровстве, но и его жену и детей, сгоняя при этом «старых и молодых, заставляя каждого ударять дубинкой по трупам, чтобы сделать соучастниками».²⁵ Удмурты, по свидетельству М.Буха, когда дело доходило до судебного следствия, также стояли друг за друга: «или все они дают одинаково ложные показания, или все как один утверждают, что ничего не знают, несмотря на очевидные доказательства, что они были свидетелями данного происшествия...».²⁶ Крестьянское население, стремилось уладить дело «миром», то есть избежать применения официального законодательства, для чего «складываются и платят приставу большую сумму, чтобы только дело заглушить» и «не таскаться по судам».²⁷ Сложность вхождения официального закона в традиционную систему наказаний в удмуртской культуре был осложнен двязычием: «...неудобно идти в суд: не зная закона, не понимая русского языка, он не

---

²⁴ Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда// Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1895г. Вятка, 1895. С.7

²⁵ Русские Ведомости, 1888

²⁶ Бух М. Характер и образ жизни вотяков// Вотяки М., 1926. С.70

²⁷ Бух М. Там же

2005. № 12
ДИЗАЙН

ИСКУССТВО И

умеет защищать свое дело»²⁸. Но с течением времени, санкции, регламентируемые официальным правом, соединялись с санкциями обычного права, так наказание становилось синкретичным.

Обобщая сказанное, хочется подчеркнуть, что амбивалентное значение идеи *вселенской* и *частной* справедливости в традиционной культуре проявлялось в двух смыслах понятия права: право как «закон», и право как «правда». Семантика слова подтверждает, что в системе обычного права реализовывалась идея глобального восстановления справедливости. Поэтому, обычное право в культуре повседневности Вятского края 19 в. столетиями сосуществовало с официальными законодательными нормами, сохраняя за собой право преимущественного использования.

Рассматриваются проблемы, связанные с понятием взаимозависимости традиционного общества и окружающего мира; особенности менталитета и методы восстановления утраченного «космического равновесия».

E.O. Plekhanova

Mythical concepts of “retribution” in traditional culture are reflected.

The problems connected with the concept of mutual depending of traditional imades of the surrounding world are considered here. Besides this investigation is conntcted with the peculiarities of mentolitet and methods of reconstruction of the lost “spase balance”.

---

²⁸ Календарь Вятской губернии на 1880г. Вятка, 1879. 49-50